

ВОЗМОЖНОСТИ МОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

С. Е. Руженцев

Воронежская государственная медицинская академия имени Н. Н. Бурденко

Поступила в редакцию 17 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается мораль как инструмент человеческой практики, который требует теоретического определения стандартов группового действия на основе общего понимания справедливости, добра и зла, чести и совести, достоинства и долга. Общественные нравы стали зависеть от системной организации общества, а не от личностных добродетелей его лидеров. Дегерсонализация моральных императивов не ведет к исчезновению морали.

Ключевые слова: мораль, этика, политика, ценности, справедливость, долг, моральные нормы.

Abstract: the article is devoted to morality as not only an instrument of human life practice, but as a thing that also requires a theoretical definition of the standards of a group action on the basis of a common understanding of justice, good and evil, honor and conscience, dignity and duty. Social mores have become dependent on the system of organization of society, not from the personal virtues of its leaders. Depersonalization of moral imperatives does not lead to the disappearance of morality.

Key words: morality, ethics, politics, values, justice, duty, moral norms.

Пестрота этического сознания, связанная с различным кругом социальных проблем, ориентация на традиционные ценности или либеральные, влияние гражданского общества и принципов правового государства, как и многие другие факторы, вызвали к жизни способы постижения и выражения моральных ценностей. Распространение демократических процедур, изменения политической культуры общества, становление массового общества размывили сакральный ореол власти, вызвали к жизни новые методы ее легитимации, новые способы мобилизации масс, сформировали слой профессиональных политиков. Это привело к трансформации элиты, изменению способов ее взаимодействия с обществом, но не сняло актуальности и востребованности моральных критериев в политике.

Как известно, мораль выступает в качестве социального института, регулирующего на основе определенных устоявшихся групповых норм поведение людей с помощью общественного мнения, господствующих обычаев и привычек посредством моральных санкций. Это превращает мораль не только в инструмент человеческой жизненной практики, но и требует от нее теоретического определения стандартов группового действия на основе общего понимания справедливости, добра и зла, чести и совести, достоинства и долга. Отмечая взаимосвязь дескриптивного и нормативного в любой моральной системе, Л. Свендсен указывает, что «нормативы влияют на то, как мы истолкуем ситуацию, а то, что мы принимаем как “факты”, воздействует на нормативную

оценку» [1, с. 265–266]. То есть индивид не просто знает, что какое-либо действие аморально, является злом или несправедливостью, а расценивает именно так в конкретной ситуации.

Несомненно, для определения моральных ориентиров необходимы некие базовые ценности, являющиеся стимулами социальной деятельности. Таковыми выступают:

– материальные ценности, связанные с хозяйственной деятельностью и отношениями производства и распределения в обществе;

– социально-политические ценности, определяющие организацию общества, реализацию принципов свободы, равенства, справедливости и безопасности граждан;

– духовные ценности, отражающие характер и степень солидарности и гуманизма в отношениях между людьми, их представления об истине, красоте, доброте и т.п.

Аксиологический трансцендентализм баденской школы (Г. Рикерт, В. Виндельбанд), относя ценности по ту сторону субъекта и объекта, считает, что благодаря ценностям мы можем понять смысл действий человека. По мнению П. И. Смирнова, ценности являются стимулом деятельности и выполняют «смыслообразующую» функцию по отношению к человеку. И здесь важную роль для политики будет играть мера значимости той или иной ценности, которой человек (или политический деятель) готов следовать. А значимость может приобретать, с точки зрения общественных интересов, положительный или отрицательный характер, законный или нелегальный способ

реализации, большую свободу деятельности или расширенный общественный контроль в процессе своей реализации [2].

Необходимо учитывать и возможный плюрализм оценок, присущий общественному мнению и сознанию как свойству существования общественной нравственности. И сами схемы осмысливания политики содержательно включают в себя различные мировоззренческие и идеологические системы, при том что большинство людей произвольны в своих установках при решении конкретных вопросов. Также мы должны принимать в расчет ценностные ориентации политической элиты и лидеров, для которых с середины XX в. стало характерно «распыление власти» и дробление самой элиты, что соответствовало антитоталитарному настрою и концепции политического плюрализма. К тому же претензии властвующей элиты на выражение интересов всего населения не означало автоматического соответствия ценностей этой элиты ценностям других социальных групп общества, поскольку своеобразие духовного основания элиты и базовой ценностью для нее была и остается ценность обладания властью, определяющая ее ведущие интересы и моральные ориентации.

При этом следует учитывать, что все без исключения политики являются заложниками определенной идеологии. С одной стороны, они оперируют артикулированными нормами и шаблонами, свойственными той или иной идеологии, а с другой стороны, у них проявляется «идеологическое бессознательное», основанное на выработанных архетипах и реакции. Ведь политическая сфера приобрела за последнее столетие значительную автономию, определяя во многом повседневную жизнь общества. В результате общественные нравы стали зависеть от системной организации общества, а не от личностных добродетелей его лидеров. Как отмечает А. А. Гусейнов, «мораль становится по преимуществу институциональной, трансформируется в прикладные сферы, где этическая компетенция... определяется в решающей мере профессиональной компетентностью в специальных областях деятельности...» [3, 13]. И если раньше цивилизационные и материальные изменения подвергались критике со стороны морали, то сейчас происходит наоборот, отчего современная мораль претерпела существенные изменения по сравнению с традиционной. Получило место, по справедливому мнению А. А. Гусейнова, расширение нравственно нейтральной зоны, сопровождаемое стремлением к освобождению от мировоззренческих обоснований и поиском индивидуальных решений. Вследствие этого мораль перемещается с уровня мотивов поведения на уровень сознательно вырабатываемых правил соответствующего вида деятельности [4, с. 119].

Существуют разные варианты учета моральных аргументов в политической деятельности. Один из них связан с выделением разного контекста применения. Здесь выделяется нормативная этика и теоретическая этика. Нормативная этика связывается с моральной рефлексией, рациональным моральным сознанием, которое оценивает тот или иной акт действия с моральных позиций, через соотнесение человеческих качеств и проявлений с «добродетелями». Тогда как теоретическая этика является комплексом взглядов, идей, знаний, исследовательских подходов, используемых для целенаправленного формирования нравственных ориентаций людей [5, с. 64–72].

Интересную модель соотношения нравственного и политики предложил А. В. Прокофьев, выделив три версии их взаимосвязи. Первый вариант такого соотношения был определен им на основе учения И. Канта, в котором этика долженствования приводит к тому, что политическая система служит «высшей нравственной цели», а моральное измерение социально-политической жизни автономно от индивидуальной моральной психологии и не играет особой роли в обеспечении дисциплины и общественной кооперации. Возникает особая политическая этика, независимая от индивидуального нравственного совершенствования. Другой вариант характеризуется этической нейтральностью. Отталкиваясь от либерального подхода, провозглашается, что политические теории не должны препятствовать цели продвижения каких-либо конкретных (в том числе моральных) доктрин, ибо в противном случае искажается процесс определения принципов справедливого общественного устройства. Тем самым происходит раздробление всей морали публичной сферы на множество различных и частных установок. Третий вариант определяется как позиция «политического перфекционизма». Допуская использование в публичной сфере аргументы из области приватной этики, иные духовные ценности, данный подход ставит вопрос о реализации в политической практике любых убеждений, которые позволяют посредством образовательной политики, поддержки семьи, регулирования морально предосудительных практик и прочего «соотносить различные образы жизни по их внутренней ценности» [6, с. 141–144].

В свою очередь в понимании природы морали Р. Т. Апресян выделил два крайних подхода, позволяющих видеть различный характер ее связи с политикой. Первый подход – социально-имманентный – характеризует мораль как социальный феномен, призванный помочь в социальной организации общества в соответствии с его потребностями и функциями. Являясь способом социальной регуляции взаимоотношений людей, моральные идеи суть «отражение экономического состояния общества в общест-

венном сознании и сознании людей». Другой подход – социально-трансцендентный – обуславливает мораль внесоциальными факторами, определяет ее «предзаданностью» социальности и культуре, как то, посредством чего «транслируется и репрезентуется трансцендентное по отношению к социуму ценностное содержание» [7, с. 19, 20].

С усложнением организации общества, вовлечением масс людей в политику изменилось представление о методах решения проблем, связанных с моралью и этикой, так как человек стал пониматься как «существо, живущее в мире относительных ценностей испытывающее наслаждение от достижения несовершенных (промежуточных) целей» [8, с. 36]. Добродетели перестали определяться только личными и субъективными волевыми усилиями. Проявление общественной морали в нынешних условиях стало связываться с деятельностью общественных институтов, которые влияют на солидарность людей, распределяют их права и обязанности, поддерживают необходимую и приемлемую иерархию ценностей социума. Возникает «мораль ассоциаций» (Дж. Роулз), связанная с проявлением социальных ролей и соответствующими им идеалами, или идеи приоритета блага над правом (Дж. Сандел), связанная с формированием личной идентичности в процессе оценки блага другими людьми и проявлением общественной активности, или проповедь этики ответственности (Л. Свендсен), которая должна иметь приоритет перед этикой убеждения, обеспечивая предотвращения иного зла.

Отталкиваясь от спонтанности возникновения отношений между субъектами, постмодернизм оценил детotalизацию общественных структур как «признак исчерпаемости потенциала общества, базирующегося на принципах гуманизма, рациональности и прогресса» [9, с. 93]. Поляризация этических позиций на абсолютизм и антинормативизм совершенно не отменяет мораль ни в сфере индивидуальных отношений, ни в политике. А поскольку общественные отношения удобнее регулировать по логике предметной сферы, то значение морали все равно сохраняется, помещая ее лишь в более общий контекст и предлагая в качестве критерия моральности тех или иных действий политика адекватность потребностям и целям управляемой им общественной системы.

Развитие демократии обнаруживает, что политические идеологии перестали объединять людей в той степени, которая была им присуща прежде. А всяческое стремление характеризовать политические явления инструменталистски и нейтрально содержательно уводит из политики в экономику, право, этику и прочее. Любое же взаимодействие в публичной сфере опирается не только на качества культуры, но и

несет в себе нормативно-оценочную составляющую. Отмечая кризис политической нормативности, забвение, что проявление политической этики связано с результатами политической борьбы, И. А. Ерохов отмечает: «Политические институты уже не гарантируют предметное осуществление всеобщих целей, а межсубъектные отношения строятся на частных интересах, что и фиксируется в усугубляющейся динамике потери легитимности власти. Всеобщая власть просто не в состоянии представлять все частные интересы, а если она осуществляется в чьих-то интересах, то что здесь остается от всеобщности. На государственном уровне нарастает фундаментальное отчуждение от народа, власть оказывается чужой, террористичной, репрессивной, против нее выстраиваются бастионы, огораживающие приватный мир человека от угроз со стороны административной сферы» [10, с. 68]. Это важно учитывать, поскольку нормативный инструментарий дает моральному сознанию человека оценивать политические события с этической точки зрения. Но этот инструментарий и в западных демократиях перестает эффективно работать из-за апатичности электората, отчуждения человека от всеобщей сферы, размывания оппозиции, стремления безоговорочному консенсусу и т.п. В результате происходит разделение между этикой, допускающей построение различных теорий, и моралью, требующей соблюдения каких-либо правил, чтобы избежать безгранично широкого политического плюрализма [11, с. 188].

Происшедшая деперсонализация моральных императивов не ведет неизбежно к растворению и исчезновению морали. В совместной деятельности людей в обществе обнаруживается нравственное совершенство личности и ее отношение к другим людям, поскольку для политики решающее значение имеют не мотивы действий, а их последствия, вызывая соответствующее к ним отношение, влияя на формирование общественного сознания. Тем самым мораль может способствовать интеграции общества, придавая целесообразность действиям любого индивида и контролируя направленность его поведения, а может вызывать альтернативные или негативные реакции, оправдывая возвышенной риторикой и соответствующими идеалами деструктивные действия. То есть происходит подмена частными нормами общего блага, сопровождающееся манипулированием сознанием.

В понимании природы этики существуют полярные подходы. С одной стороны, эпистемологический объективизм, поддерживаемый платонизмом, интуитивистами, отчасти этическими натуралистами, сводят моральное сознание лишь к оценочным суждениям вне императивов долженствования или предписаний соответствующих действий, даже вне како-

го-либо сопоставления с действительностью, а только лишь с другими суждениями. Поэтому моральные нормы, добро, долг, справедливость и прочие не зависят от субъекта и даны ему в качестве соответствующего «знания», определяющего его позицию и поступки. С другой стороны, существует каузально-детерминистический объективизм, который ставит под сомнение объективность существования добра и должного, признавая их фактом сознания, связанного с природными и социальными объективными причинами. Возникающие нормы и правила становятся следствием различных объективных и закономерных факторов, которые обеспечивают выработку общезначимых этических подходов. Преобладание каузально-детерминистического объективизма в исследованиях морали требует внимания к интериоризации морального долга и справедливости и превращение знаний и установок в побуждение к действию или его ограничению [12, с. 134 – 141].

Очевидно, что моральные нормы влияют на интерпретацию рассматриваемой ситуации, и в то же время объективные условия как социальные факты воздействуют на моральную оценку субъекта. То есть если зло или несправедливость не получают адекватной и своевременной оценки со стороны общества, всегда есть опасность увеличения его масштабов и снижения нравственного уровня в принятии и допущении тех или иных поступков политиков и их аргументов. Поэтому нравственные ценности и моральные нормы можно воспринимать с абсолютистских и антинормативных позиций.

Без сомнения, трудно определить алгоритмы нравственного поведения, которые определенно и четко указывали бы допустимость тех или иных действий человека и используемых им средств. Следует помнить, что деятельность человека, и в политике особенно, имеет целесообразный характер. При этом и цель, и средства – соотносительны, что предполагает подбор средств сообразно выдвигаемой цели. Сами же действия, направляемые целью, выступают средством ее достижения. Однако в достижении цели, являющейся своеобразным благом, заинтересован человек, осуществляющий свою деятельность. Цель обретает характер ценности для него, предполагая ранжирование ее в системе его координат среди других целей и ценностей. Хотя нужно учитывать, что в политике часто встречается парадокс «грязных рук», когда нужно поступать неправильно, чтобы правильно поступить. Для этого необходимо морально допустить возможность меньшего зла ради предотвращения более серьезного ущерба. Но и в этом случае нам никак не обойтись без использования нравственных критериев, ибо моральный долг и ответственность могут заставить использовать в политическом действии насилие и

нести за него ответственность. Следует только непременно учитывать, что в политике невозможно избежать насилия, а моральные оценки его должны отталкиваться от различия законного и незаконного насилия. Но допуская насилие и принимая вероятность меньшего зла, возможно моральное оправдание совершенного злодеяния и рост нарушений как закона, так и нравственных ограничений из-за размытости критериев и принципов оценки тех или иных действий. Да и самооправдание допущенного порога насилия совсем не обязательно должно выглядеть искусственным, неубедительным и лживым.

Политические процессы и нормы не обязательно обладают релятивизмом и выходят за границы традиционных или устоявшихся этических норм. Скорее, это исключение, определяемое экстремальностью ситуации, ограничивающей широкое применение выше указанных принципов и полноценную дискуссию о подходах к сложившимся условиям и способах выхода из нее. Государственные органы и политические лидеры, придерживаясь установленного порядка сохранения секретности и ответственности перед вышестоящими органами, могут проводить обсуждение своих действий после реализации принятого решения. Поиск общепринятых аргументов позволяет понимать моральную цену предпринятого действия, корректировать ошибки и обеспечивать не только легитимацию власти, но и моральное доверие ей со стороны гражданского общества. Это связано с разной реакцией общества на складывающиеся проблемы в политике, поскольку общественная мораль руководствуется произвольными подходами и ограничениями, которые могут испытывать воздействие манипулятивных технологий на сознание в связи с различными политическими интересами. Принятие принципа неизбежности насилия и зла или эффекта «грязных рук» неизбежно предполагает ориентацию политика на мораль, а значит, предполагает оправдание морального сознания человека, понимание места и тяжести последствий осуществляемых деяний, являясь исключительным и нежелательным легитимным средством принуждения. Важно лишь помнить, что в политике легко в борьбе с небольшим злом породить зло большее, подвергая общество, окружающих людей моральному испытанию. Ведь вне зависимости от политической и теоретической позиции от человека требуется прагматические поступки, предполагающие уважение чужих прав, подчинение и выполнение своего долга, предотвращение страданий других людей и т.п. Различны могут быть лишь приоритеты реализации, но моральные нормы и оценки деятельности политиков сообразно их требованиям являются безусловными и определяющими. И поскольку политика и ее требования конкретны, то моральные требования весьма абстрактны, обнару-

живая противоречие между добровольностью выполнения моральных предписаний и властью, базирующейся на принципе принуждения.

Соблюдение моральных норм, если они совпадают ценностным установкам человека, может стать внутренним побуждением и даже долгом для него. Но последующий личностный выбор будет определяться уровнем познания, сознания и разумности. Да и сама нравственная свобода как для рядового гражданина, так и для политика означает не просто выбор определенных вариантов поведения, а превращение моральных требований и предписаний во внутренние убеждения человека. Это предполагает ответственность как естественное следствие избранного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свендсен Л. *Философия зла* / Л. Свендсен : пер. с норв. – М., 2008.
2. Смирнов П. И. *Ценность* / П. И. Смирнов // *Credo New*. – 2011. – № 1.
3. Гусейнов А. А. *Этика и мораль в современном мире* / А. А. Гусейнов // *Этическая мысль*. – Вып. 1. – М., 2000.
4. Гусейнов А. А. *Философия, мораль, политика* / А. А. Гусейнов. – М., 2002.
5. Апресян Р. Г. *Проблемы этики. О систематизации этического знания* / Р. Г. Апресян, О. В. Артемьева, Л. В. Максимов // *Философские науки*. – 1997. – № 1.
6. Прокофьев А. В. *Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и ее альтернативы* / А. В. Прокофьев // *Этическая мысль*. – Вып. 6. – М., 2005.
7. Апресян Р. Г. *Понятие общественной морали* / Р. Г. Апресян // *Общественная мораль : философские, нормативно-этические и прикладные проблемы*. – М., 2009.
8. Разин А. В. *Современная мораль и ее философские основания* / А. В. Разин // *Этическая мысль*. – Вып. 12. – М., 2012.
9. Сморгун Л. В. *Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация* / Л. В. Сморгун. – М., 2007.
10. Ерохов И. А. *Кризис политической нормативности* / И. А. Ерохов // *Политико-философский ежегодник*. – Вып. 2. – М., 2009.
11. Муфф Ш. *К агонистической модели демократии* / Ш. Муфф // *Логос*. – 2004. – № 2.
12. Максимов Л. В. *Этический объективизм : основные концепции и подходы* / Л. В. Максимов // *Этическая мысль*. – Вып. 1. – М., 2000.

Воронежская государственная медицинская академия имени Н. Н. Бурденко

Руженцев С. Е., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и гуманитарной подготовки

*E-mail: serruzh123@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 252-47-38*

Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko

Ruzhentsev S. E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Philosophy and Humanities Department

*E-mail: serruzh123@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 252-47-38*